

Творцы и мыслители

Ирина Зорина

Герцен — Достоевский: диалог или дуэль. В контексте Россия и Запад

В 2012 году у нас в стране и в Европе отмечался 200-летний юбилей А.И. Герцена. 6 апреля, в день его рождения, в Дом-музей Герцена на Сивцевом Вражке (Герцен жил в этом доме в 1843–1846 гг., непосредственно перед эмиграцией) приехали более 40 потомков писателя из Франции, Швейцарии, США и других стран. В Петербурге в Литературно-мемориальном музее Ф.М. Достоевского открылась выставка «Нет пророка в своем отечестве» (к 200-летию со дня рождения Александра Герцена). В июне в Москве в Институте философии РАН прошла международная научная конференция «Александр Герцен и исторические судьбы России». В декабре в Москве в Доме русского зарубежья им. А. Солженицына состоялся вечер, посвященный 200-летию со дня рождения А.И. Герцена, которым завершился совместный проект с Русским домом в Ницце. На телевизионном канале «Культура» был показан интересный фильм Александра Архангельского «Изгнанник Герцен» о жизни великого вольнодумца. 14 декабря, в знаменательный для России день восстания декабристов, в музее

Герцена на Сивцевом Вражке собрались старые и новые друзья. Это был настоящий праздник дружбы, чести и достоинства.

В опубликованных к юбилею статьях продолжались споры о политической интерпретации герценовского наследия: был ли Герцен отцом русского социализма или отцом русского либерализма?

Некоторые специалисты по Достоевскому акцентировали внимание на враждебности позднего Достоевского Герцену. Мне ближе другой подход, который избрал наш исследователь творчества Достоевского Р.Г. Назиров. В своей статье «Вражда как сотрудничество»¹ он сделал, правда, по отношению к Достоевскому и Тургеневу, удивительно верный и красивый вывод: «Как же сильно переплелись тайные узы их духовного противоборства и творческого взаимодействия, заслоненные от нас сенсационной историей их вражды!» Только такой подход и надо, на мой взгляд, искать для сбережения нашего культурного наследия.

«Странные сближения»

Возьмем за отправную точку наших рассуждений 1870 год, его начало, когда произошли «странные сближения».

В январе в Париже умирает Александр Герцен, оставив свое политическое и духовное завещание – письма «К старому товарищу» (1869) – «гениальное, – по определению Юрия Карякина, – не столько политическое и социальное, сколько духовно-нравственное завещание, без которого нельзя было входить в жизнь (и сейчас нельзя)». Вот некоторые мысли Герцена из его завещания: «Взять неразвитые силой нельзя», «Нет, великие перевороты не делаются разнудыванием дурных страстей».

В январе в Дрездене Достоевский начинает роман «Бесы», который впоследствии определил как «роман-предостережение».

На 19 февраля Нечаев назначил революцию в России. Революции не случилось. В 1872-м швейцарское правительство выдало Нечаева России как уголовного преступника, он был посажен в Петропавловскую крепость, где умер в 1882 году.

В апреле в российской провинции, в Симбирске, родился Владимир Ульянов-Ленин. Герцен был глубоко враждебен ему. А Достоевского Ленин просто ненавидел.

Как все пересеклось в одной точке. В тот исторический момент, в сущности, определилась модель судьбы России на следующий век.

Тайные узы противоборства и взаимодействия

А теперь сосредоточимся (в ретроспективе) на расхождениях, идейной вражде и точках понимания между Герценом и Достоевским.

В январе 1846 года внимание Герцена привлек роман Достоевского «Бедные люди», опубликованный Некрасовым в «Петербургском сборнике», о чем он написал Белинскому (письмо утрачено). В том же году русские читатели горячо обсуждали роман Герцена «Кто виноват?». Личное знакомство писателей состоялось в октябре 1846 года у И.И. Панаева, о чем узнаем из письма Федора Михайловича брату: «Явилась целая тьма новых писателей. Иные мои соперники. Из них особенно замечательны Герцен (Искандер) и Гончаров»². Настоящий интерес Герцена вызвали «Записки из Мертвого дома» Достоевского, которые он назвал «страшной книгой» о «мрачном царствовании Николая»³. В середине июля 1862 года, во время своей первой европейской поездки, Достоевский посетил Герцена в Лондоне и преподнес ему «Записки из Мертвого дома» с дарственной надписью – «в знак глубочайшего уважения от автора».

Достоевский всю жизнь пристально следил за Герценом, о чем свидетельствуют упоминания его имени в письмах, в «Дневнике писателя», прямые и косвенные ссылки на него в романах. «Прямой, открытый идейный и творческий диалог» с Герценом, замечает исследователь творчества Герцена С.Д. Лицинер, углубляется и приобретает в художественном мире Достоевского все большую значимость «по мере личного и идейного отдаления, как это ни парадоксально»⁴.

Умиравший Запад – юный Восток

Интересно сопоставить взгляды на западную цивилизацию и на будущее России «западника» Герцена, которого Н.Н. Страхов назвал «первым нашим западником, отчаявшимся в Западе»⁵, и «почвенника» Достоевского.

Герцен уехал в эмиграцию, в «идейную эмиграцию», в 1847 году уже зрелым человеком, последовательным и глубоким индивидуалистом, который ставил личность выше всего. «Меня манила иная жизнь, даль, ширь, открытая борьба и вольная речь. <...> мне хотелось попробовать свои

Фёдор Михайлович Достоевский. Портрет работы К.А. Трутовского. 1847

силы на свободе, порвавши все путы, связывавшие на Руси каждый шаг, каждое движение» – так вспоминает он те годы в своем мемуаре «Былое и думы»⁶. Но очень скоро жизнь на Западе заставляет его признать, что у русских сложились неверные представления о современном Западе как воплощенном идеале: «Мы, вообще, знаем Европу школьно, литературно. <...> Поживши год-другой в Европе, мы с удивлением видим, что, вообще, западные люди не соответствуют нашему понятию о них, что они *гораздо ниже* его»⁷.

После поражения революции 1848 года во Франции у Герцена наступает разочарование и в революции, не оправдавшей надежды на социальный переворот. «Действительного творчества в демократии нет, – пишет он. – Бесплодие форм в «свободной» Европе. Бесплодие человека. <...> Европа одряхла, обмелела, приближается к страшному катаклизму»⁸.

Достоевский прожил на Западе около пяти лет. В начале 60-х годов он путешествовал, «облётом» побывал во многих европейских городах. А с апреля 1867-го по июль 1871 года живет с женой Анной

Дом-музей А.И. Герцена в Сивцевом Вражке

² Достоевский Ф.М. ПСС: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990. Т. 28. Кн. 1. С. 120.

³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. М.: Изд-во АН СССР, 1954–1965. Т. XVIII. С. 219.

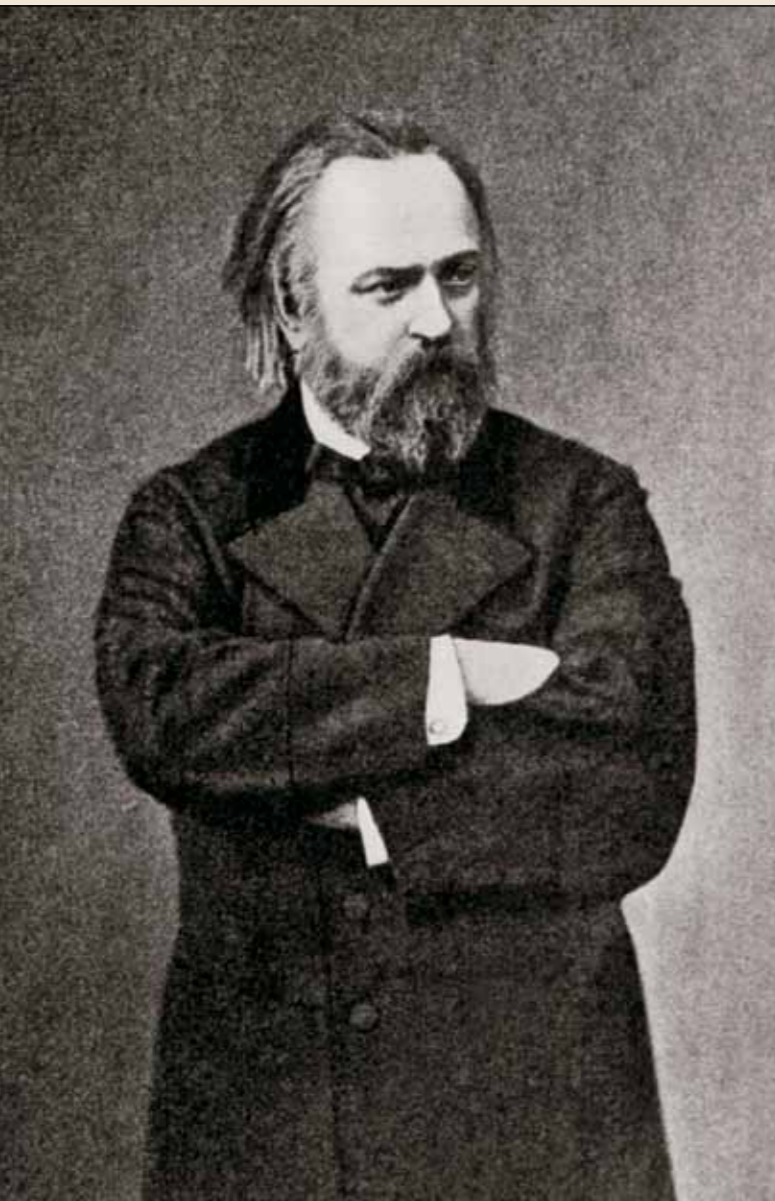
⁴ Лицинер С.Д. Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 54.

⁵ Страхов Н.Н. Борьба с Западом в нашей литературе. Историч. и критич. очерки. Кн. 1. СПб., 1887. С. 97.

⁶ Герцен А.И. Сочинения: В 4 т. М.: Изд-во «Правда», 1988. Т. 1. С. 380.

⁷ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. X. С. 124.

⁸ Герцен А.И. С того берега // Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1986. Т. 2. С. 7.

Александр Иванович Герцен

Григорьевной уже постоянно, находясь на положении полуэмигранта, сбежавшего от своих кредиторов, сначала в Германии, потом в Швейцарии, Италии. Писатель чувствует глубокую ностальгию по России, перерастающую в невыносимую боль. «И как можно выживать жизнь за границей? Без родины – страдание, ей-богу! <...> А мне Россия нужна, для моего писания и труда нужна (не говорю уже об остальной жизни), да и как еще! Точно рыба без воды...»⁹

У обоих – и у Герцена, и у Достоевского – *от-вращение к «буржуазной» Европе.*

Европейцы имеют «одного Бога – капитал: эпоха восходящего мещанства и эпоха тучного преуспевания», – писал Герцен. В западноевропейской жизни господствует «стоглавая гидра мещанства», «самодержавная толпа сплоченной посредственности», здесь нет «ни эстетической отделки, ни личного вкуса». Свое положение на Западе Герцен называет «чуждость в обе стороны».

В «Зимних заметках о летних впечатлениях» (1863) Достоевский пишет о Европе весьма критически, и его оценки в некоторых случаях очень близки, даже текстуально, работам Герцена. Вот впечатления Достоевского о Всемирной выставке в Лондоне, где демонстрировались достижения западной цивилизации: «...вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось. Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающегося»¹⁰. Критика его направлена против самой концепции жизни западноевропейского общества, в котором главным считается разум; русский писатель выступает против западного позитивизма, против научного рационализма, против утопического социализма, против просветительских идей, против самого *мифа прогресса.*

Об особом пути России и русском народе

Для Герцена, романтика и одновременно мыслителя, «основным вопросом века» оставалось осуществление гармонии личного и общего. Когда он говорит, что мир славянский во главе с русским народом идет на смену старой одряхлевшей Европе, он основывается на том, что русский человек умеет подчиняться требованиям общего. Петровский переворот, считает он, был необходим, он привел к рождению личности, но он же обозначил «распад единства жизни русской». Появилось две России, враждебные друг другу, – «Россия правительственная, императорская, богатая деньгами, вооруженная не только штыками, но всеми приказными и полицейскими уловками, взятыми из Германии; с другой стороны, – Русь черного народа, бедная, хлебопашенная, общинная, демократичная, безоружная, взятая врасплох, побежденная, собственно, без боя»¹¹. «Человек будущего в России, – по его мнению, – мужик»¹², в то время как интеллигенция, прошедшая через западную цивилизацию, не более как средство, как закваска. «Поразительно, – писал

Бердяев, – что именно в невежественном русском крепостном крестьянине он видел большую выраженность принципа личности, большую цельность индивидуальности, чем у европейского человека, ставшего «мещанином»»¹³.

Заметим, что и Достоевский, видя в народе и зверство, и святость, чувствовал в мужике природную нравственную силу. В остроге однажды он вдруг вспомнил о том, как простой мужик приглубил его, мальчонку, испугавшегося в поле волка. Так родился рассказ «Мужик Марей».

Достоевский в рассуждениях о природе русского народа и будущем России уходит от социального и восходит до философских и богословских мечтаний о том, что русский народ-богоносец спасет не только Россию, но и весь мир. Мысль эта – о великом призвании русского народа-богоносца и православия – любимейшая у Достоевского. В своей знаменитой Пушкинской речи, произнесенной 8 июня 1880 года на заседании Общества любителей российской словесности в Москве (уже незадолго до смерти), Достоевский, заражая всех присутствовавших своей искренностью и вдохновением, говорил: «...назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное»¹⁴.

Полемист Герцен и полифонист Достоевский

Исследователи Достоевского уже давно отметили влияние на него диалогической прозы Герцена. Федор Михайлович любил работу Герцена «С того берега». В «Дневнике писателя» он обозначил то, что ему нравилось у Герцена, –

предоставление оппоненту всей полноты высказывания: «Однажды, разговаривая с покойным Герценом, я очень хвалил ему одно его сочинение – «С того берега». Эта книга написана в форме разговора двух лиц, Герцена и его оппонента. И мне особенно нравится, – заметил я между прочим, – что ваш оппонент тоже очень умен. Согласитесь, что он вас во многих случаях ставит к стене. – Да ведь в том-то и вся штука, – засмеялся Герцен»¹⁵. Сам Достоевский не отличался этой добродетелью, с оппонентами спорил жестко и часто несправедливо, однако никогда не претендовал на выражение точки зрения человека, владеющего абсолютной истиной. Но у него было другое писательское оружие – диалог героев – носителей идей в его романах, то, что Бахтин назвал *полифонией* романа.

Герцен, как публицист, журналист и создатель свободной прессы, был готов предоставить страницы своей печати для выражения разнообразных социальных позиций. В первой книге «Полярной звезды» он объясняет читателям свои принципы: готовность полемизировать, открыто обсуждать иные убеждения. «Мы равно приглашаем наших европейцев и наших панславистов, умеренных и неумеренных, осторожных и неосторожных, <...> мы открываем настежь все двери, вызываем на все споры. Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами; нам случалось уже печатать вещи, прямо противоположные нашему убеждению». В «Колоколе» и «Полярной звезде» публиковались самые разные и спорные материалы. У Герцена было немало «тайных корреспондентов» из России, всевозможных взглядов, даже чины крупнейших министерств и Святейшего си-

⁹ См.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Париж: YMCA-Press, 1981.

¹⁴ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 26. С. 129–149.

¹⁵ Там же. Т. 21. С. 8.

Здание Всемирной выставки 1862 года в Лондоне. Литография В.Ф. Тимма. 1862 ▶

нода. Расскажем только об одном таком загадочном корреспонденте – небезызвестном в истории российского сыска провокаторе Липранди.

Как Герцен рассекретил документы дела Петрашевского

О деле петрашевцев Герцен поначалу мало что знал. Ведь дело Петрашевского, по которому проходил Достоевский и был вместе с другими приговорен к смертной казни (ее император в последнюю минуту заменил на каторгу), долгое время составляло предмет государственной тайны. Хотя сам кружок был даже по тем свирепым николаевским временам довольно безобидным. Собирались по пятницам в доме у Михаила Васильевича Петрашевского молодые литераторы, ученые, офицеры. Достоевский прочитал там письмо Белинского к Гоголю, что и вменили ему в вину следователи из Третьего жандармского управления.

Но как водится на Руси, было бы желание (особенно если оно исходит от императора!), а дело сшить недолго. Вот тут-то и постарался некто Липранди, тайный сысканой агент высокого пошиба.

Воистину причудлива была судьба действительного статского советника Ивана Петровича Липранди. Выходец из старинного испанского рода, он уже в молодости сделал блестящую военную карьеру: к 24 годам подполковник, ветеран Отечественной войны 1812 года и двух других кампаний, кавалер нескольких орденов. Правда, в январе 1826-го он был арестован по делу декабристов, но оправдан и освобожден. Может, уже тогда пригодились его феноменальная память и рассказы о Бессарабии, где он сдружился с Пушкиным и общался с русскими офицерами, возможно и с Пестелем.

В 1840 году Липранди поступил на службу чиновником особых поручений при министре внут-

ренних дел. Вскоре пришло такое трудное и щекотливое особое поручение от самого императора Николая I – раскрыть «тайное общество», собирающееся у Петрашевского. Липранди засылает к Петрашевскому провокатора Антонелли, достаточно образованного, чтобы понять, о чем говорят там молодые люди, и среди них литератор Достоевский. И вскоре Липранди подает свое «Мнение» в Комиссию о злоумышленниках, уверяя, что речь идет о заговоре, грозящем потрясением основ общественного и государственного порядка.

Герцен потратил немало усилий на рассекречивание истории с петрашевцами. И в 1862 году публикует в «Полярной звезде» секретный полицейский документ «Мнение» действительного статского советника Липранди (с грифом «совершенно секретно»). Документ прислал сам Липранди (!), обиженный на царских чиновников, отправивших его в отставку. *Воистину, все тайное становится явным.*

Ф. Тютчев, поэт и государственный деятель, старший цензор Министерства иностранных дел, написал князю Горчакову записку «О цензуре в России» (ноябрь 1857 г.): возникновение бесконтрольной печати за границей – «явление бесспорно важное. Было бы бесполезно скрывать уже осуществившиеся успехи этой литературной пропаганды»¹⁶. Единственным оружием противодействия, считает Ф. Тютчев, могла быть лишь *свободная газета в России*. И для такой газеты не будет недостатка в талантах. Идея Тютчева не осуществилась. Управляющий III отделением и начальник корпуса жандармов А. Тимашев ответил Тютчеву: «Уничтожить значение писаний Герцена совершенной свободой печатания, какова она в Англии, при монархически неограниченном правлении невозможно и значило бы *убить себя из опасения быть убитым*»¹⁷. Царский чиновник сразу понял опасность вольной печати для самодержавия.

¹⁶ Цит по: Раиса Орлова. Последний год жизни Герцена. New York: Chalidze Publications, 1982. С. 12.

¹⁷ Летопись жизни и творчества А.И. Герцена: В 5 т. М.: Наука, 1974–1990. Т. II. С. 382.

Газета «Колокол». Титульный лист

А Л.Н. Толстой спустя годы так оценил, какой вред России принесла цензура и запрет печатать сочинения Герцена, «человека, выдающегося по силе, уму, искренности»: «Читаю Герцена и очень восхищаюсь и бесполезно тому, что его сочинения запрещены. <...> если бы он вошел в духовную плоть и кровь молодых поколений с 50-х годов, то у нас не было бы революционных нигилистов. <...> не было бы динамита, и убийств, и виселиц, и всех расходов, усилий тайной полиции и всего того ужаса правительства и политических и военных зло. Очень поучительно читать его теперь»¹⁸.

¹⁸ Толстой Л.Н. ПСС: В 90 т. М.; Л.: ГИХЛ, 1928–1958. Т. 86. С. 121–122.

¹⁹ См.: Буданова Н.Ф. Достоевский и Тургенев: творческий диалог. Л.: Наука, 1987. С. 76.

²⁰ См.: Волгин И.Л. Пропавший заговор. Достоевский и политический процесс 1849 г. М.: Либерия, 2000.

²¹ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 12. С. 148.

²² Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 21. С. 129.

«Им хочется нас употребить пьедесталом»

Герцен не отрицал свою причастность к русским нигилистам. «Что же наше поколение завещало новому? – спрашивает он в статье 1868 года о Базарове. – *Нигилизм*». При этом он очень широко понимает смысл этого понятия и относит к нигилистам и Белинского, и Бакунина, и себя, и петрашевцев. Известно, что Достоевский читал статью Герцена «Еще раз о Базарове»¹⁹. Эти слова не могли не задеть Федора Михайловича, бывшего петрашевца. Некоторые исследователи Достоевского считают, что «Бесы» в каком-то смысле автобиографичны. Ему важно было рассчитаться с грехами молодости. Не случайно одним из прототипов Николая Ставрогина стал Николай Спешнев, товарищ Достоевского по обществу петрашевцев, с которым молодой писатель намеревался создать русскую «вольную типографию» (к моменту его ареста типографский станок был куплен и собран)²⁰.

Достоевский тоже видел связь между петрашевцами и нечаевцами. «Я хотел поставить вопрос, – напишет Достоевский в «Дневнике писателя», – <...> каким образом может случиться, что эти *Нечаевы* набирают себе под конец нечаевцев?»²¹ Есть и другое признание писателя: «...я сам старый «нечаевец». <...> Знаю, вы, без сомнения, возразите мне, что я вовсе не из нечаевцев, а всего только из петрашевцев. <...> Но пусть из петрашевцев. Почему же вы знаете, что петрашевцы не могли стать нечаевцами, то есть стать на нечаевскую же дорогу, в случае если б так обернулось дело? <...> *Нечаевым*, вероятно, я бы не мог сделаться, никогда, но *нечаевцем*, не ручаюсь, может и мог бы во дни моей юности»²².

Герцена страшит не Базаров, хотя по отношению к нему он делает знаменательную оговорку: «Декабристы – наши великие отцы, Базаровы – наши блудные дети». Его страшат «базароиды». В них, этих новых нигилистах, он видит «мошеническую шайку, позорящую молодое поколение». Считает, что их надо «выставить к позорному столбу – во всей их наготы, во всем холуйстве и наглости, в невежестве и трусости, в воровстве

и доносничестве»²³. Называет их «Собакевичами и Ноздревыми нигилизма. <...> Наукой или делами они занимались мало... России вовсе не знали...»²⁴

Достоевскому для осмысления того, каким образом базаровщина перерождается в нечаевщину, оказался полезен опыт Герцена, изменившего свой взгляд на Базарова. И хотя Достоевский часто жаловался на свою память, он цепко запоминает то, что ему нравится, и потом что-то из этого мы находим в его романах. В «Бесах» Степан Трофимович Верховенский (в черновых записях Достоевский называет его «Грановским») рассуждает: «Этот Базаров – это какая-то неясная смесь Ноздрева с Байроном...»²⁵

В 50-е годы, когда Россия была уже буквально беременна крестьянским вопросом и приближался час отмены крепостного права, для Герцена первостепенным стал вопрос соотношения революции и реформы. Достоевский находился в это время еще в ссылке.

При разрешении крестьянского вопроса снизу, предупреждал Герцен, возможны «страшные последствия». «Если ни правительство, ни помещики ничего не сделают, – сделает топор. Пусть и государь знает, что от него зависит, чтоб русский крестьянин не вынимал его из-за своего кушака» – так писал Герцен в 1856 году. Употребленное Герценом слово «топор» как символ народного мятежа подхватили русские революционно настроенные радикалы, искажая Герцена.

Герцен готов был выслушать всех, как уже отмечалось выше, и предоставить всем трибуну своего издания. В 1860 году он публикует в «Колоколе» знаменитые «Письма из провинции» за подписью

«Русского человека» (специалисты приписывают авторство Н.А. Добролюбову). Автор набрасывается на Герцена за либерализм и поддержку Александра II: «...наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет! <...> Перемените же тон, и пусть ваш “Колокол” благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь»²⁶.

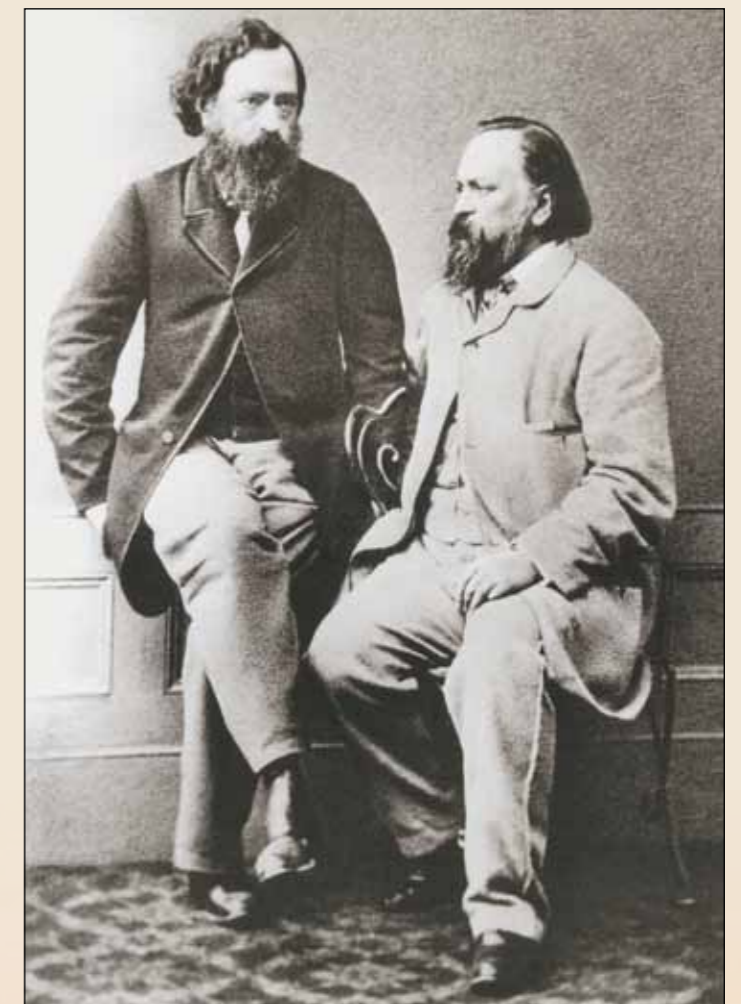
Герцен искал выход из исторического тупика пером, а не топором. «Наша сила – в силе мысли, в силе правды, в силе слова, в исторической попутности»²⁷, – писал он в эти дни.

Издатель «Колокола» все больше расходится не только с молодыми, радикально настроенными русскими эмигрантами, но и с революционной молодежью в России. И тут они снова совпадают с Достоевским. Вот пример негативной реакции *обоих* на распространявшуюся в Петербурге, Москве и других городах в мае 1862 года прокламацию «Молодая Россия». В листовке содержался открытый призыв к народной расправе. Был в листовке и прямой выпад против Герцена: «Несмотря на все наше глубокое уважение к А.И. Герцену как публицисту, имевшему на развитие общества большое влияние, как человеку, принесшему России громадную пользу, мы должны сознаться, что “Колокол” не может служить не только полным выражением мнений революционной партии, но даже и отголоском их»²⁸.

На фоне пожаров, как раз в те дни охвативших Петербург, слова прокламации «Молодая Россия» прозвучали для Достоевского зловеще, и он бросился к Чернышевскому. В «Дневнике писателя» Федор Михайлович так вспоминает об этом: «Николай Гаврилович, что это такое? <...> их надо

остановить во что бы то ни стало». Герцен в «Колоколе» тоже ответил на эту зловещую прокламацию. В «Молодой России» Герцен увидел свои революционные идеи, искаженные до неузнаваемости, вульгаризованные, измельченные, исковерканные. Их потащили «как девку на улицу», по выражению Достоевского. «Герцен испытывал ужас, ощущение ответственности, стремление снова и снова осмыслить пройденный путь. <...> Столкновение с молодыми причинило острую боль»²⁹. «У них нет ни связей, ни таланта, ни образования, – пишет он Огареву о “молодых”, – им хочется играть роль, и им хочется нас употребить пьедесталом»³⁰.

У Герцена всегда были серьезные разногласия и с Бакуниным. А к концу 60-х годов дело дошло до разрыва. Он писал 11 мая 1869 года Бакунину «...совсем закусил удила <...>. Я снимаю всякую солидарность». Но они с Бакуниным дружили с юности, и, как друг, как художник, Герцен любовался энергией, наивностью, даже богемной неразборчивостью Бакунина, неизменно дружески иронизируя над ним. «Правда мне мать, но и Бакунин мне Бакунин» – так ответил Герцен одному из своих корреспондентов, который пытался склонить его напечатать материал против Бакунина.

А.И. Герцен и Н.П. Огарев. Лондон, 1860

«Вам незачем видеть эту змею!»

А вот Нечаева Герцен сразу на дух не принял. Столкнулись две личности, два исторических характера.

Текст первой нечаевской прокламации, присланной ему Огаревым, возмутил его: «Что за ослепление и неразумье!»³¹ Александр Иванович сразу понял, что рассказы о грядущем восстании

и личной роли в нем Нечаева – не более чем «хлеstackовщина». Он проникся к новоявленному революционеру стойкой брезгливой неприязнью³². Татьяна Пассек, друг детства, вспоминает: «Нечаев был до того антипатичен Герцену, что [Герцен] постоянно отдалял его и никогда не допускал в свое семейство. Если же Нечаев появлялся у него

²⁹ Раиса Орлова. Последний год жизни Герцена. С. 35.

³⁰ Герцен А.И. Письмо Н.П. Огареву // Собр. соч.: В 30 т. Т. XXVIII. С. 10.

³¹ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XXX. Кн. 1. М., 1964. С. 91.

³² См.: Лурье Ф.М. Нечаев: Созидатель разрушения. М.: Молодая гвардия, 2001. С. 125. – (ЖЗЛ).

²³ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. XXIX. С. 326.

²⁴ Герцен А.И. Былое и думы. М., 1945. С. 739–741.

²⁵ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 10. С. 171.

²⁶ См.: Добролюбов Н.А. Избранные статьи / Сост. А.Ф. Смирнов. М.: Современник, 1980.

²⁷ Герцен А.И. К старому товарищу // Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 542.

²⁸ См.: Революционный радикализм в России: век девятнадцатый. Документальная публикация / Ред. Е.Л. Рудницкая. М.: Археографический центр, 1997.

в доме, то говорил своим: «Ступайте куда хотите – вам незачем видеть эту змею»³³.

Герцен не знал, что Бакунин настоял на том, чтобы огаревское стихотворение «Студент», первоначально посвященное автором памяти его друга Сергея Астракова, появилось в России в виде листовки с посвящением «Молодому другу Нечаеву». Нечаеву подобное посвящение могло послужить и послужило беспронимательной «рекламой».

Достоевский тоже не знал этой истории. В ходе процесса над Нечаевым высказывалось даже предположение, будто стихотворение «Студент» Нечаев сам сочинил и сам себе посвятил. В романе «Бесы» Достоевский приписал его Герцену.

Когда Достоевский заканчивал роман «Бесы», он уже не мог не знать последнюю работу Герцена, письма «К старому товарищу», направленную против нечаевщины и бакунизма. Письма были опубликованы осенью 1870 года (уже после смерти автора) в Женеве, несмотря на яростное сопротивление со стороны русских нигилистов и прямые угрозы самого Нечаева дочери Герцена Наталье Александровне³⁴. Рецензия на письма «К старому товарищу» появилась в «Русском вестнике», где печатался и Достоевский.

Есть в «Бесах» и еще одна несправедливая пародия на Герцена. «Эти телеги, или как там: “стук телег, подвозящих хлеб человечеству” полезнее Сикстинской Мадонны», – восклицает Степан Трофимович, перефразируя слова Герцена³⁵. В действительности Герцен в переписке с В.С. Печериным, преподавателем Московского университета, который эмигрировал и стал католическим монахом, писал: «Невежество, одно невежество – причина пауперизма и рабства. <...> И чего же бояться? Неужели шума колес, подвозящих хлеб насущный

толпе голодной и полуодетой?» А само обвинение Герцена в утилитарно-нигилистическом отрицании искусства представляется тем более несправедливым, что он был не меньшим поклонником рафаэлевской Мадонны, чем сам Достоевский.

В своем романе Достоевский косвенно «сводит» Герцена с нигилистами еще дважды. Ставрогин начинает свою предсмертную записку словами: «Прошлого года я, как Герцен, записался в граждане кантона Ури»³⁶.

Кириллов свою предсмертную записку подписывает: «de Kiriloff, gentilhomme russe et citoyen du monde» («Кириллов, русский дворянин и гражданин мира»). Буквально этой же формулой Достоевский характеризует Герцена в очерке 1873 года «Старые люди». В чем может быть смысл подобного сближения? Для Достоевского эмиграция была тождественна смерти. И тот факт, что Герцену пришлось окончить свои дни за границей, мог лишь закрепить в сознании Достоевского тождественность эмиграции и смерти. В подготовительной записке к «Дневнику писателя» за октябрь 1876 года он замечает: «Немыслимо и представить даже себе, чтоб такой страстный верующий Герцен мог убить себя»³⁷.

Бог и религия – водораздел между Достоевским и Герценом

Основной водораздел между Достоевским, религиозным мыслителем, и атеистом Герценом – это Бог и религия. Для атеиста Герцена личная ответственность за свершенные и несвершенные поступки – основа нравственности, и в личном, и в общественном поведении: «У нас нет молитвы: у нас есть труд. Труд – наша молитва»³⁸. Хотя ему было присуще глубокое пони-

мание культуры религии. «Не помню, чтобы когда-нибудь я взял в руки Евангелие с холодным чувством, это меня проводило через всю жизнь; во все возрасты, при разных событиях я возвращался к чтению Евангелия, и всякий раз его содержание низводило мир и кротость на душу»³⁹.

Достоевский в молодости разделял либеральные и позитивистские взгляды и, по-видимому, склонялся к агностицизму. Ивану в «Братьях Карамазовых» он отдает все те сомнения в вере, что терзали его тогда. Он сам прошел через соблазны безверия, страстно доказывал существование Бога, «но сквозь все эти убежденные речи, – пишет Юрий Айхенвальд, – все же чувствуется незаглушенная тревога, мучительная, отчаянная – тревога в том, что, может быть, Бога и нет»⁴⁰. Серьезный перелом в его религиозных исканиях наступил на каторге.

У Герцена и Достоевского было разное религиозное воспитание. Что вспоминает о своем детстве Александр Иванович в книге «Былое и думы»? Когда ему исполнилось пятнадцать лет, отец, человек не очень набожный, веривший скорее «по привычке, из приличия и на всякий случай», пригласил в дом священника, чтобы тот дал сыну уроки богословия, насколько это было нужно для поступления в университет. Наставления отца сыну были сдержанные: «Надобно верить в Священное писание без рассуждений, потому что умом тут ничего не возьмешь, <...> надобно исполнять обряды той религии, в которой родился, не вдаваясь, впрочем, в излишнюю набожность». Лютеранка мать раз в месяц брала его с собой в кирху, но там мальчик не проникся религиозным чувством, а научился лишь «передразнивать немецких пасторов». Герцен признается, что «с истинным страхом подходил к причастию, <...> это был страх, который наводит все непонятное, таинственное, особенно когда ему придают серьезную торжественность; так действует ворожба, заговаривание»⁴¹.

А Достоевский так вспоминает о пробуждении в нем религиозного чувства: «...помню, как в первый раз посетило меня некоторое проникновение

духовное, еще восьми лет от роду. Повела матушка меня одного (не помню, где был тогда брат) во храм господень, в страстную неделю в понедельник к обедне. День был ясный, и я, вспоминая теперь, точно вижу вновь, как возносился из кадила фимиам. <...> Смотрел я умиленно, и в первый раз от роду принял я тогда в душу первое семя слова Божия осмысленно»⁴².

Достоевский считал, что прийти к вере и «спастись» от неверия можно, лишь получив определенный жизненный опыт. В годы сибирской ссылки он приобрел очень важный для него, очистительный опыт, который «приблизил его к Христу». В Семипалатинске писатель пережил однажды перед началом эпилептического припадка живое восприятие бытия Бога, рассказывает Н. Лосский. К Достоевскому в ночь перед Светлым Христовым Воскресением приехал старый товарищ, и они всю ночь проговорили «о литературе, об искусстве и философии; коснулись наконец религии. Товарищ был атеист, Достоевский – верующий, оба горячо убежденные каждый в своем. “Есть Бог, есть!” – закричал наконец Достоевский, вне себя от возбуждения. В эту самую минуту ударили колокола соседней церкви к светло-христовой заутрене. Воздух весь загудел и заколыхался. “И я почувствовал, – рассказывал Федор Михайлович, – что небо сошло на землю и поглотило меня. Я реально постиг Бога и проникнулся им. Да, есть Бог! – закричал я, – и больше ничего не помню»»⁴³.

К концу жизни Достоевский создал свою философию религии. Еще на каторге в письме Н.Д. Фонвизиной (от января-февраля 1854 г.) он признается: «Я скажу Вам про себя, что я – дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. <...> нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, <...> если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что

Сергей Геннадиевич Нечаев.
Фото ок. 1870

³³ Пассек Т.П. Из дальних лет. Воспоминания: В 2 т. / Под общей редакцией С.Н. Голубова, В.В. Григоренко и др. М.: ГИХЛ, 1963. Т. 2. С. 56.

³⁴ Нечаев, желая получить герценовские деньги, угрожал Н.А. Герцен, что, если она вернется в Россию, «нашим придется так или иначе с вами покончить».

³⁵ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 10. С. 172.

³⁶ Там же. С. 513.

³⁷ Литературное наследство. Т. 86. М.: Наука, 1973. С. 85–86.

³⁸ Герцен А.И. Сочинения: В 4 т. Т. 1. С. 28.

³⁹ Герцен А.И. Сочинения: В 4 т. Т. 1. С. 67.

⁴⁰ Айхенвальд Ю.И. Достоевский // Силуэты русских писателей. М.: Республика, 1994. С. 253.

⁴¹ Герцен А.И. Сочинения: В 4 т. Т. 1. С. 266.

⁴² Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 14. С. 264.

⁴³ Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 58.

Женева. Гостиница «Берг», где жил А.И. Герцен, и одноименный мост, который, по его словам, «то же, что Тверской бульвар в Москве»

Николай Ге. Портрет А.И. Герцена. 1867

истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»⁴⁴. А в последних, уже предсмертных записных книжках Достоевский записал: «Мерзавцы дразнили меня необразованною и ретроградною верою в Бога. Этим олухам и не снилось такой силы отрицания Бога, какое положено в Инквизиторе и в предшествующей главе, которому ответом служит весь роман. <...> не как мальчик же я верую во Христа и его исповедую, а через большое горнило сомнений моя осанна прошла»⁴⁵. «Достоевский <...> постоянно колебался между титаническими страстями, раздирающими душу, и просветлениями души, восходящими до порога святости», – пишет Н. Лосский, считая, что и в религиозных воззрениях Достоевский остается последовательным диалектиком⁴⁶.

Был ли Герцен «внутренним эмигрантом»?

В молодости Достоевский относился к Герцену не просто с большим интересом, но и с явной симпатией. В одном из писем к Страхову он, со-

глашаясь с его определением Герцена как «отчаявшегося западника», называет его «истинно русским человеком» и добавляет: «...всякий чуть-чуть значительный и действительный талант – всегда кончал тем, что обращался к национальному чувству... Посмотрите опять на Герцена: сколько тоски и потребности поворотить на этот же путь, <...> если человек талантлив действительно, то он из выветрившегося слоя будет стараться воротиться к народу»⁴⁷. Достоевский будто слышит слова самого Герцена: «История толкает меня именно в наши (русские) ворота», «Народ русский для нас больше чем родина».

Но по мере *своей* эволюции (Достоевский и в последних романах, и в публицистических статьях «Дневника писателя» все более склонялся к поддержке самодержавия и православия – Мочульский назвал это мировоззрение «церковно-монархическим империализмом»⁴⁸) ему хочется уже видеть в Герцене не просто оппонента, с которым интересно поспорить, но все больше врага. Он обвиняет «добровольного изгнанника» в том, что тот оторвался от народных корней. В очерке «Старые люди» («Дневник писателя 1873 года») он бросает ему сильное обвинение: «Герцен не эмигрировал, не полагал начало русской эмиграции; нет, он так уж и родился эмигрантом. Они все, ему подобные, так прямо и рождались у нас эмигрантами, хотя большинство их не выезжало из России. <...> Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделяясь от народа, они естественно потеряли и бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные – индифферентными»⁴⁹.

На это обвинение Герцен уже не мог ответить. Их диалог-дуэль судит история.

Когда Федор Михайлович узнал о смерти Герцена, он тут же принялся перечитывать «Былое и думы». Конечно, он не мог не ценить художественный талант Герцена и не отзываться его вольному слову, чистоте и широте его души. «Это был один из самых резких русских раскольников западного толку, но зато из самых широких, и с некоторыми вполне русскими чертами характера»⁵⁰, – писал Достоевский через шесть лет после смерти Александра Ивановича.

Для всякого художника язык является решающим аргументом, а у Герцена русский язык празднует такую свободу, гибкость, смелость и выразительность, с которой только Гоголь мог сравниться. Стоит напомнить слова другого великого русского вольнодумца, яснополянского старца: «Герцен не уступит Пушкину. Где хотите – откройте, везде превосходно...» И еще: «Герцен – удивительный в художественном смысле. Я другого такого не знаю»⁵¹.

«А верны ли мои убеждения?»

Герцен остался верен своей юношеской клятве. Он был настоящим патриотом, любил отечество просвещенной любовью. Он и сегодня борется за нашу свободу. А потому воздадим ему должное, какие бы обвинения ни бросали в его адрес новые приверженцы старой теории «самодержавия, православия и народности». И в наши дни все еще живет опасливое понимание, что «герценовское слово, вроде бы уже свое отвоевавшее, оттремевшее, по-прежнему чересчур свободно». Нас и сейчас пугает его «страстная и свободная мысль, не ведающая страха, самообольщения и самодовольства»⁵².

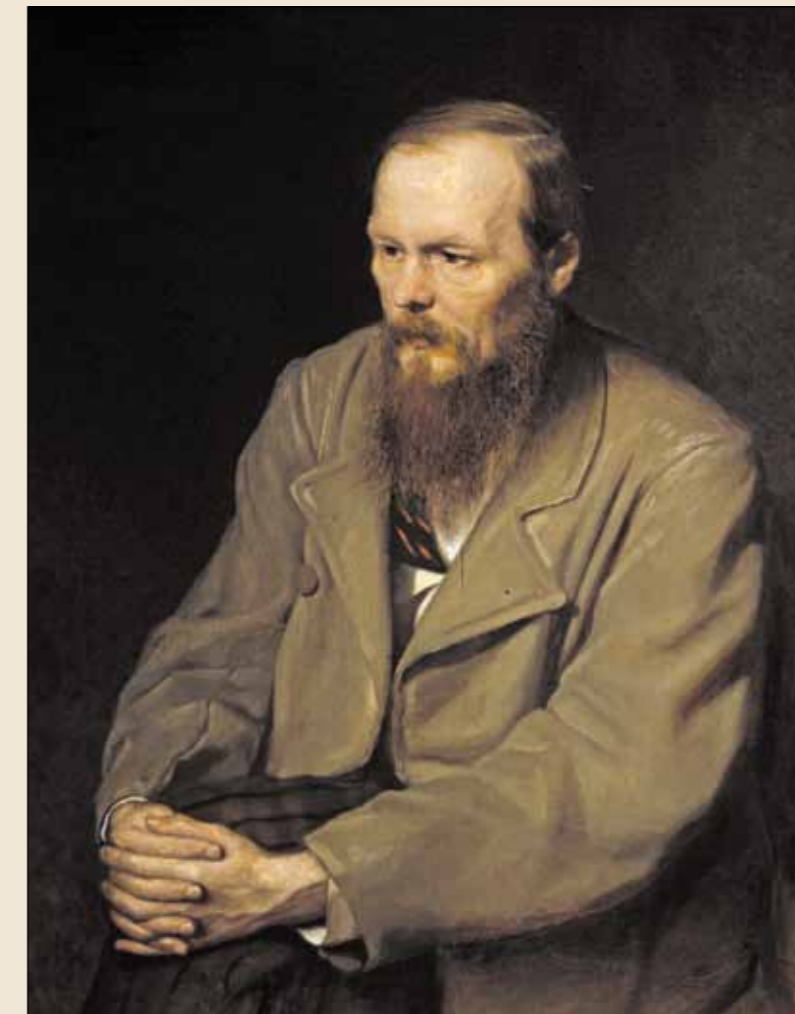
Согласимся с Толстым: «Наша интеллигенция так опустилась, что уже не в силах понять его. Он же ожидает своих читателей впереди. И далеко над головами теперешней толпы передает свои мысли тем, которые будут в состоянии понять их. <...> Герцен первый уразумел у нас и художественную и общественную правду»⁵³.

Герцену принадлежит исключительно важная роль в историческом диалоге России с Западом. Он открывал русскую культуру для западного мира и одновременно знакомил Россию с западной общественной мыслью. «Пора действительно знакомить Европу с Русью, – писал А. Герцен в своей работе «С того берега». – <...> Расскажем ей об этом мощном и неразгаданном народе, который <...> сохранил живой ум и широкий разгул богатой натуры под гнетом крепостного состояния и в ответ на царский приказ образоваться – ответил через сто лет громадным явлением Пушкина»⁵⁴.

Герцена и Достоевского надо видеть в их *эволюции*. И у Герцена и у Достоевского происходило «перерождение убеждений». «Недостаточно определять нравственность верностью своим убеждениям, – говорил Достоевский. – Надо еще беспрерывно возбуждать в себе вопрос: верны ли мои

убеждения?» Достоевский и в Герцене особенно ценил главную его способность к «переоценке ценностей», готовность «отдать дорогое, если мы убедимся, что оно не истинно»⁵⁵.

Извлечем и мы уроки из эволюции Герцена (история его духовного развития необыкновенно ценна) и Достоевского. Примем и приумножим их прозрения, не станем отвечать анафемой на анафему там, где возможен диалог, не будем преуспевать в страшном (и страшно легком) искусстве делания врагов и преуспеем в прекрасном искусстве (но очень, очень трудном) искать, находить, удерживать союзников, укреплять союз со всеми жизнотворческими, антибесовскими силами, и только тогда мы получим, наконец, соединение, взаимодействие истинно гуманистической политики и подлинного искусства.

Ф.М. Достоевский. Портрет кисти Василия Перова. 1872

⁴⁴ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 28. Кн. 1. С. 176.

⁴⁵ Цит. по: Лосский Н.О. Достоевский и его христианское миропонимание. С. 68.

⁴⁶ Там же. С. 33.

⁴⁷ Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 15 т. Т. 15. С. 486.

⁴⁸ Мочульский К.Н. Гоголь, Соловьев, Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 299.

⁴⁹ Достоевский Ф.М. ПСС. Т. 21. С. 8–9.

⁵⁰ Цит. по: Прокофьев В. Герцен. М.: Молодая гвардия, 1979. С. 333. – (ЖЗЛ).

⁵¹ У Толстого. Яснополянские записки Д.П. Маковицкого: В 4 кн. М.: Наука, 1979. Кн. 1. С. 276; Кн. 3. С. 119.

⁵² См. об этом: Дедков И. Былое и настоящее // Знамя. 1987. № 4. С. 220.

⁵³ Толстой Л.Н. Письмо В.Г. Черткову, 9 февраля 1888 // ПСС. Т. 86, 1936. С. 121–122.

⁵⁴ Герцен А.И. Сочинения: В 2 т. Т. 2. С. 11.

⁵⁵ Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. VI. С. 29.